

Ил Юйхэ пахла резкой гнилью, напоминая последний вздох утопленника.

Семь имперских стражников вытащили на берег мумию. Чиновничье одеяние давно истлело, но на нём всё ещё угадывался узор из облаков и журавлей, положенный тайфу из прошлой династии. Тело не разложилось, плоть плотно обтянула кости, словно высушенная на ветру, а между бровей алела точка киновари — такая же свежая и яркая, как у Се Линя в момент смерти в прошлой жизни.

Он опустился на колени в грязь, его пальцы дрожали, но коснуться он не смел.

Цэнь Чжао стоял в трёх шагах от него, храня молчание. В его руке был зажат полуобугленный бамбуковый свиток, который стражники вытащили из-среди стиснутых пальцев мертвеца. Тушь на нём еще не до конца выцвела, и каждое слово разило, словно клинок: В седьмой год Тяньци наследный принц повесился не сам, ему влили яд в кабинете императора, а после сожгли павильон, чтобы скрыть следы...

Се Линь резко бросился вперед и вырвал свиток.

В тот самый миг, когда его пальцы коснулись бамбука, небо и земля внезапно погрузились во тьму.

Место казни. Ветер и снег режут, как лезвия.

Он стоял на коленях в луже крови, его запястья были окованы железными цепями, а холодный блеск меча за его шеей отражался в закатном солнце на краю небосвода. Цэнь Чжао стоял на коленях у ступеней, его одежды были обгажены кровью, а глаза покраснели. Се Линь собрал последние силы и сунул ему в пазуху бамбуковый свиток, его голос хрипел, словно рвущийся шелк:

Если выживешь — живи за меня; если умрешь — допиши за меня.

Цэнь Чжао не плакал, он лишь крепко прижал свиток к груди и тихо произнес:

Я буду ждать твоего возвращения. Используя кости всех мертвецов, я буду ждать тебя.

Видение разбилось.

Се Линь резко пришел в себя, тяжело дыша, его поношенные одежды пропитались холодным потом. Он опустил взгляд: бамбуковый свиток по-прежнему был в его руках, но мумия... она медленно открыла глаза.

Зрачков не было, лишь сплошная черная пустота.

Ты... наконец-то вернулся. — Мумия заговорила, и голос доносился не из горла, а просачивался со всех сторон: со дна реки, из дворцовых стен, из каждого сожженного исторического тома.

Цэнь Чжао наконец сделал шаг вперед, опустился на корточки и кончиками пальцев нежно коснулся межбровья мертвеца, где киноварь не поблекла и выглядела как несвежая кровь.

Ты применил Неугасимые кости летописцев. — Голос Се Линя дрожал. — Ты разделил мою душу на семьдесят две части и запечатал их в телах погибших летописцев... ждал, пока я вернусь?

Цэнь Чжао не стал отрицать. Он поднял взгляд, и в его глазах не было ряби, словно в древнем колодце: В день твоей смерти император сжег архив и предал огню семьдесят двух летописцев. Перед смертью каждый из них выводил твое имя. Я не мог позволить им уйти в тишину.

Се Линь залился слезами, и его лоб тяжело стукнулся о грязь: Ты ждал моего возвращения, используя мертвецов целой династии?

Цэнь Чжао протянул руку и провел по его волосам. Его движение было столь мягким, словно он, как и прежде в Цзычэньгуне, бесчисленное количество раз расчесывал его длинные пряди.

Если бы ты не пришел, — шепнул он, — они навек остались бы немymi призраками.

Ветер стих. Вода в Реке Юйхэ замерла. Ивы на обоих берегах покачивались без ветра, напоминая бесчисленные иссохшие руки, призывающие душу Се Линя.

Он вдруг всё понял.

Те кровавые строки писал не он.

Это сожженные летописцы на каждой странице его записей тайком выводили слова собственной рукой.

Те рассказчики, монахи и гонцы вовсе не были пешками Цэнь Чжао.

Это души заимствовали их голоса, чтобы поведать погребенную правду.

Се Линь поднял голову и сквозь пелену слез увидел, как уголки губ мумии чуть приподнялись в усмешке.

Господин тайфу, — прошептал мертвец, — «Записи о мятежных министрах», которые ты успел написать лишь наполовину, мы дописали за тебя. Теперь... твоя очередь жить за нас.

Цэнь Чжао поднялся на ноги, сбросил холщовую верхнюю одежду, обнажив под ней простое белое исподнее — на его воротнике густо, стежок к стежку, были вышиты бесчисленные имена. Все они принадлежали семидесяти двум летописцам.

Ты не сошел с ума, — тихо произмолвил он. — Ты сам стал историей.

Се Линь медленно поднялся. Бамбуковый свиток в его руке внезапно вспыхнул, но пепла не осталось — он превратился лишь в искорки светлячков, устремившиеся в ночное небо. Каждая крупца света была стертой правдой.

Он посмотрел в сторону дворцовых стен: оттуда, сквозь щели в кирпичках, проступали семьдесят две кровавые строчки, извиваясь и ползя, словно живые.

Тогда... — спросил он. — Кого мне убивать?

Цэнь Чжао взял его за руку, их пальцы переплелись, согревая друг друга по-прежнему.

Тех, — улыбнулся он, хотя в его глазах не было и следа тепла, — кто не смеет признать себя убийцей.

Вдалеке трижды пробили колокола Цзычэньгуна.

Это император отдал приказ тщательно расследовать источник «крамольных книг».

Но Се Линь знал: на сей раз он больше не одинок.

За его спиной стояли семьдесят два нетленных скелета, миллионы переписанных от руки кровавых писем и каждый простой человек, которого ложь прижала к земле, но который всё равно сжимал в кулаке правду.

Все они ждали, когда он подаст голос.

Он широко раскинул руки, навстречу ночному ветру.

В дуновении ветра слышался плач, смех и шуршание кисти, скользящей по бамбуку.

А еще — последние слова, которые Цэнь Чжао тихо шептал ему на ухо:

История никогда не исчезает, она просто продолжает жить иначе.

Се Линь закрыл глаза, и его слезы превратились в иней.

Он наконец перестал быть узником.

Он и есть история.

<http://bllate.org/book/19340/1891114>